

Татьяна Гармаш-Роффе

Чудо для Нины

*Часть сборника
Властитель женских душ
(сборник)*

Татьяна Гармаш-Роффе

Чудо для Нины

«ЭКСМО»

Гармаш-Роффе Т. В.

Чудо для Нины / Т. В. Гармаш-Роффе — «Эксмо»,

Яркий детективный рассказ от топового и любимого автора. Краткая остросюжетная история вместила все, что присуще захватывающему дух детективу: интригующий сюжет, шквал криминального действия, блистательная развязка.

© Гармаш-Роффе Т. В.

© Эксмо

Татьяна Гармаш-Роффе

Чудо для Нины

Элегантна. Лет тридцати на глаз, очень ухоженна, запах дорогих духов и богатства. Скромная улыбка хорошей девочки из хорошей семьи.

Стаскивает тонкие серые перчатки. Нервничает. Невесомо вкладывает пальчики в его ладонь: не рукопожатие, а рукокасение.

Расстегивает серо-голубую шубку. Ей идет этот цвет, к ее русым волосам и светлым глазам. Присаживается. Застенчиво смотрит на Алексея – положительно, очаровательная дама. К тому же пришла точно в назначенное время, что всегда радует.

– Даже не знаю, с чего начать... – Голос ее волнуется.

– Лучше с начала, – советует Алексей Кисанов, частный детектив, занимая свое место за рабочим столом.

– Хочу вас предупредить, – смущается посетительница, – эта история почти неправдоподобна...

– Ничего, я привычный. Слушаю вас.

Нина Стрельцова, дочь известного пианиста, пошла по стопам отца. Закончила консерваторию с успехом, ей пророчили блистательное будущее, отец мечтал увидеть дочь в сольных концертах на лучших сценах мира, но случилось так, что Нина увлеклась поп-музыкой. А затем продюсером поп-группы. А может, наоборот. Порядок не важен, важно, что отец был в отчаянии. Он дочь не упрекал, но это как раз было хуже всего. Если б метал громы и молнии, проклинал и отлучал от дома, она бы взобралась на баррикады против отцовского деспотизма, а на баррикадах всегда легко, ясно и просто. Но он лишь тихо страдал. Только однажды сказал: «Нина, это не твое...»

Но она так не считала. Георгий – огромный, чувственный и веселый – казался воплощением жизни, источником вечной радости, а ей именно этого всегда не хватало. Консерваторские мальчики и девочки не жили. Они поместили душу в музыку, как помещают деньги в банк, и там она лежала в неприкосновенности, наращивая проценты мастерства... Георгий же душу не хранил под замками, на будущее ее не откладывал, он растрачивал ее здесь и сейчас, щедро, красиво, азартно. И Нина, бледный цветок стерильной флоры высокого искусства, самозабвенно увлеклась экзотическим зверем яркой фауны попсы.

Вскоре она вышла за него замуж, родила дочку. Хорошенькую и белокурую, как сама Нина в детстве... Когда малышке, которую они с мужем называли Мариной, исполнилось десять месяцев, ее украли. Милиция нашла только коляску. «О слезах и боли не будем, это отношения к делу не имеет...»

С тех пор прошло десять лет. Муж за это время стал известен и уважаем в мире шоу-бизнеса, и жизнь окрасилась в блистающие цвета люкса. Отдых на престижных курортах, вещи из дорогих магазинов, огромная квартира (вместо старой двухкомнатной мышеловки). И, разумеется, особняк за городом со всеми причитающимися атрибутами роскоши: сауной, бассейном и так далее. Нина давно оставила работу и даже решила родить еще одного ребенка. Мальчику сейчас пять лет...

Было бы. Потому что полгода назад муж и сын погибли в автокатастрофе.

Только тогда она вспомнила отцовское: «Это не твое, Нина». И поняла: он был прав. Все случилось потому, что она изменила главному: высокой музыке, отцовским надеждам, своему предназначению. Она выбрала не свою жизнь, и поэтому в ней ничего не складывается...

Она пыталась наложить на себя руки. Спасла домработница Тамара: откачала хозяйку от высокой дозы снотворного. И вот она живет... Неизвестно зачем и почему.

Посетительница замолчала, глаза и кончик носа покраснели. Детектив ждал. Она смотрела в окно, он смотрел на ее нежный профиль. Наконец Нина снова заговорила.

– Три дня назад я решила поехать на дачу одна.

– На дачу? – подивился детектив: нынче сезон отнюдь не дачный, ноябрь на исходе!

– Это, собственно, загородный дом, отапливаемый. Соседи праздновали юбилей, очень просили приехать, мы давно дружим... Я машину не вожу, у меня шофер, но он отпросился: у дочери свадьба. И я решила добраться за город общественным транспортом. Мне вдруг захотелось ощутить рядом людскую толпу, чужие жизни, от которых я слишком изолирована... Я поехала на Киевский вокзал своим ходом. Вы, без сомнения, передвигаетесь на машине? – неожиданно спросила Нина. – Тогда вы тоже все это забыли.

...Машина – это продолжение вашего дома, вашего личного пространства, – говорила она, проводя по воздуху пальцами, словно по клавишам рояля. – Она вам подвластна, а с ее помощью вы подчиняете себе большое, общее пространство... Без нее же вы беззащитны, и тогда пространство немедленно берет вас в плен! Приходится ехать не туда, куда вы хотите, а туда, куда вас везут. Нужно делать пересадки. Нужно купить билет, а для этого нужно стоять в очереди. К вам в метро жмутся люди, не спрашивая у вас разрешения, и вы вынуждены чувствовать тепло и запах их тел, часто несвежих... Вы становитесь ничтожной песчинкой и пересыпаетесь в общем пространстве-времени вместе с другими такими же песчинками, подчиняясь его ритму...

Иными словами, этот чужой мир с вами не считается, – подытожила Нина. – Но, как ни странно, в этом есть что-то радостное, почти блаженное... Вы понимаете меня?

Детектив понимал. Чего ж не понять? «Хождение в народ» – это национальный спорт русской интеллигенции. Он вот только хотел бы поскорее к делу... Но торопить клиентку не стал.

– А тем более вокзал, – продолжала Нина. – Острое и волнующее чувство границы, смены пространств, особый ритм жизни и дыхания... В общем, я пребывала в некоторой эйфории. Мне было и радостно, и одновременно тревожно. Я ждала какого-то необыкновенного события... И, представьте себе, оно случилось!.. На вокзальной площади было много нищих... Среди них девочка лет десяти-одиннадцати. Она стояла посреди тротуара и все смотрела вокруг... Я долго разглядывала ее тайком. Две светлые косички, куцая куртка, на ногах грубые мальчишечьи башмаки...

Нина помолчала и вдруг тихо, словно стыдясь, произнесла:

– Я думаю, что это моя дочь.

– Та нищенка? Почему?

– Не знаю... – Тонкий румянец смущения окрасил щеки Нины. – Ни о какой даче уже не могло быть и речи: я поехала домой и остаток дня не находила себе места... На следующий день вернулась на вокзальную площадь. Девочку увидела издалека: она просила милостыню. Я подошла, дала ей деньги. Она, едва взглянув на меня, поблагодарила и тут же скрылась в толпе... Мне чудится, она похожа на мою пропавшую Марину. В таких случаях, кажется, говорят «сердце матери»?.. Но я специально начала рассказывать вам издалека: теперь вы понимаете, в каком я душевном состоянии. Мне сейчас может примерещиться все, что угодно! Мне, наверное, просто хочется, чтобы она оказалась моей дочерью? Верить, что она вернулась ко мне в награду за все мои страдания? Алексей, узнайте все об этом ребенке!..

Алексей припарковался и направился вслед за Ниной, держась на некотором расстоянии. Было условлено, что как только она увидит девочку, то переложит сумочку из одной руки в другую. Но детективу не пришлось ждать сигнала: светленькая девочка с косичками из-под шапочки, в цветастой, слишком короткой куртке сама поманила Нину, и Алексей, заметив это, прибавил шаг.

– Я тебя узнала, ты в прошлый раз дала мне деньги, – услышал он детский голос с недетской хрипотцой.

Нина торопливо полезла в сумочку, поняв намек.

– Где ты живешь? – спросила она, протягивая сторублевую купюру.

Девочка не ответила, любовно сложила банкноту в четыре раза и спрятала в кармашек, явно намереваясь уйти.

– У тебя есть мама и папа? – заторопилась Нина. – С кем ты живешь?

– Со вшами, – странно засмеялась девочка.

Нина пошарила в сумочке и вытащила две конфетки. Грязная ручонка схватила их с ладони, словно украла. И девочка припустилась от Нины почти бегом.

Отвезя Нину домой, Алексей вернулся на площадь, где занял удобный наблюдательный пункт. Деньги, выпрошенные у прохожих, девочка отдавала безногому нищему неопределенного возраста, что обосновался неподалеку у стенки. К концу дня Кисанов знал в лицо почти всех обитателей привокзальной площади и даже вычислил «инкассатора», к которому стекался весь навар: чернявого мужика, который, между сборами доходов, проводил время в привокзальном кафе, где постоянно что-нибудь ел.

Алексей догадывался, что, как в любом коммерческом деле, нищих кто-то должен контролировать, хотя бы время от времени. Посему он не стал обращаться к безногому, но отошел подальше, к киоскам с сигаретами и пивом, и вытащил из кармана тугое портмоне. Тут же к нему придвинулась нетрезвая бабулька и просительно протянула скрюченную лапку. Алексей дал ей десятку и показал краешек сотни: «Это, бабушка, получишь, если расскажешь мне вон о той девочке!»

Бабулька напрягла глаза, всматриваясь в указанное направление.

– Это Машка. Она со вшами живет...

– В каком смысле? – во второй раз подивился странной фразе детектив.

Как выяснилось, на вокзальной площади «прописана» банда нищих, которая звалась «Вши». Но больше бабулька ничего о девочке не знала. Или не захотела говорить?

Следующим стал грязный мужичок с редкими гнилыми зубами, которого Алексей приманил бутылкой портвейна.

– Маша, вон та девчонка, – откуда она здесь?

– Да кто его знает... – прошепелявил мужичок. – Некоторые тут у своих рождаются, но они мало живут. Грудничкам водки в молоко добавляют, чтобы они крепко спали и не орали, когда с ними на милостыню ходят, – кто ж тут выживет! А эта наверняка чужая. Может, украли ее, может, купили... Такие в нашем деле нужны, красивеньким девчатам-то всегда больше денег дают! А может, и сама прибилась, тут всяко бывает... – с философским неучастием заключил он.

Больше ничего интересного Алексею Кисанову узнать не удалось. Нищие говорили неохотно, а то и вовсе не отвечали на вопросы, даже при виде сотни. Следовало найти иной подход.

Назавтра иной подход был найден: Ивану, ассистенту и квартиранту Алексея Кисанова, предстояло сыграть роль журналиста.

Хорошо одетый молодой человек, вооруженный диктофоном, осмотрелся вокруг и уверенно направился напрямик к Маше. Алексей, наблюдавший за ними со стороны, подивился кокетливым ужимкам девочки, которая переступала с ножки на ножку, склоняла головку то так, то этак, постоянно загадочно посмеиваясь. Похоже, что она так и не ответила «журналисту» ни на один вопрос, но зато нищий у стенки, Машин безногий то ли опекун, то ли «кон-

тролер», окликнул Ивана. Тот приблизился и выдал заготовленную версию: он-де журналист, который хочет написать очерк из жизни московских нищих...

Алексей, не теряя времени, отправился добывать информацию параллельно. На сей раз он присмотрел довольно молодого одноногого мужчину, из тех, что выдают себя за инвалидов чеченской войны, и, посулив плату, поинтересовался Машей.

– Что, понравилась девка? – усмехнулся инвалид. – А ты поторгуйся со старшими, может, продадут. Они все равно все куда-то потом исчезают, красивые-то! Таким, как Машка... Им дорога одна. Так что торопись, парень.

– Куда им дорога?

– Да хрен его знает. Они исчезают, и все. Может, старшие их себе берут в жены... Или шлюх из них делают. Или продают.

– Узнать можешь?

Инвалид согласился «попробовать» и попросил пятьсот рублей вперед и пятьсот потом.

...Ничего не вышло из их с Иваном игры в «журналиста». Дальше скудной информации о том, что девочку зовут Машей и приписана она к банде нищих под названием «Виши», продвинуться не удалось. Нищие отказывались отвечать даже на такой простой вопрос, сколько девочке лет, отсылая его к «старшему». Однако никто не хотел сказать, где этот «старший» и когда появится. Даже чернявый «инкассатор», услышав вопрос, прозрачно посмотрел на Алексея, витиевато сплюнул и молча ушел. Впрочем, уж если корпоративные тайны нищих не выдают рядовые члены, то вряд ли их выдаст нищенское начальство...

– Все оказалось сложнее, чем я предполагал, – ответил Кисанов на нетерпеливые расспросы Нины.

– Придумайте что-нибудь! Вы же детектив!

– Завтра я рассчитываю узнать побольше, но... По правде говоря, вряд ли таким образом удастся установить происхождение Маши. И не потому, что нищие не хотят говорить, – а потому, что они сами, скорее всего, не знают. Мы только время теряем, Нина. Я советую вам сделать генетический анализ. Если вы захотите, Нина, то, думаю, ее можно выкупить у банды.

– Если это не моя дочь, то не надо... Она уже большая, уже сформировавшийся человек. Мне хватит сил, чтобы вынести все испытания, только если это мой ребенок...

– Я постараюсь узнать как можно больше, но точный ответ вам даст только генетическое исследование, – терпеливо повторил Алексей.

– Я подумаю, – обрезала разговор Нина, и детектив почувствовал, что она боится узнать правду, которая может прозвучать как приговор, обжалованию не подлежащий...

Инвалид, завидев детектива издалека, махнул костылем куда-то в сторону. Кисанов неспешно двинулся в указанном направлении и, завернув за угол дома, чуть не сбил инвалида с ног.

– Слышь ты, –дохнул инвалид крепким перегаром, – я тебе только за две тыщи скажу. Меня чуть не прибили, когда с вопросами сунулся. И еще с тебя пятьсот, – надо доброму человеку отдать, который мне подсобил...

Алексей вытащил деньги, но отдавать не стал, сначала потребовал информацию.

– Детский сад у них там какой-то есть...

– Что за «детский сад»? – удивился Алексей.

– Не знаю, детский сад, и все. Девоч, что покрасивше, туда отправляют.

Кисанов принялся торговаться в надежде, что инвалид скажет больше или хотя бы подрядится разузнать, краем глаза заметив, что неподалеку крутится какая-то толстая спитая баба, прислушиваясь. Инвалид, увидев ее, замахал на детектива костылем, словно на назойливую осу, и поскакал от него прочь, не взяв свои деньги.

– «Детский сад»? – в ужасе произнесла Нина. – Там их учат воровать, наверное! Или, еще хуже, проституцией заниматься! Это же совсем ребенок, Алексей, неужто такое может быть возможно?!

«Увы, возможно», – мысленно ответил детектив Нине, но вслух не произнес. Он и сам ощущал что-то душное, черное в словах «детский сад», прекрасно отдавая себе отчет, что никто из нищих эти слова не прояснит. Во-первых, они боятся. Во-вторых, сами вряд ли располагают информацией.

Он связался с бывшими коллегами по розыску, но они его ничем не порадовали: информации о «детском саде», связанном с бандами нищих, у них не было.

Инвалида на следующий день он не нашел, но зато его ухватила за рукав нищенка, девчонка лет шестнадцати.

– Слыхала я, что ты за вопросы платишь? Дай мне денег, я тебе все расскажу.

– И откуда же ты слыхала?

– Ой, да тут все знают! Старший грозился, что в речку скинет того, кто болтать станет!

– А ты не боишься?

– Я нет, я его жена.

Кис посмотрел на «жену». Да, ей никак не больше шестнадцати. Внешность неказистая, мелкие черты лица, недетский взгляд – скучный и трезвый. Однако впечатление такое, что жизнью своей она вполне довольна, как ни странно.

– Стало быть, он тебя пожалеет, раз ты жена?

– Да он сам велел узнать, чего вы тут разнюхиваете!

Детектив пояснил, что интересуется Машей. Сколько ей лет, откуда она взялась и куда должна потом деться.

– Пять тысяч, – заявила девчонка категорически.

И, увидев деньги, сообщила, что Машке лет десять-одиннадцать – а точнее она не знает – и что дорога Машке в «детский сад». В пустых глазах девчонки мелькнуло выражение, которое Кис определил бы как зависть.

– В проститутки, что ли? – попытался он угадать причину зависти малолетней «жены» нищенского начальства.

Девчонка только плечами пожала. Детектив принялся торговаться.

– За что ж тебе пять тысяч платить, коли ты ничего не знаешь?

Она стала растерянно озираться по сторонам, словно ища подсказки, и детектив понял, что за ними наблюдают. Но сам оглядываться не стал.

– Ну... Там их обучают... И платят хорошо...

Чему обучают? За что платят? Где этот «детский сад»? Все эти вопросы остались без ответа. Девчонка с тоской смотрела на купюры, зажатые в руке детектива.

– А вы что, купить ее хотите?

– У вас тут дети продаются?

– Так мы же ничьи, мамов с папами нету... А бесплатно никак нельзя: она ж у нас работает, деньги приносит! Нам тоже нужна. А если вам нужна – платите. Только вам тогда надо со старшим говорить. Он цену назовет.

– Она давно у вас?

– Давно. Ее цыгане продали. Она беленькая, им не подходила, сразу видно, что краденая. Так вы хотите ее купить?

– Я еще не решил.

– Ну... Вы думайте тогда... Только быстро. А то она до Нового года в «детский сад» уйдет.

Ноябрь стремительно кончался, снег уже прочно устилал московские улицы, холодный воздух терпко пах хвоей елочных базаров. Белый город примерял яркие новогодние расцветки и накапливал праздничный дух. Маша мерзла, пританцовывая на месте и кидаясь с протянутой рукой к каждому хорошо одетому прохожему. Нина наблюдала за ней вот уже который день, прячась за ларьками, не зная, на что решиться.

Ей казалось, что Маша на нее похожа. Линия носа точно как у самой Нины, а форма губ не совсем, но она же что-то взяла и от папы, бабушек-дедушек, верно? Даже детектив согласился, когда Нина показала ему свои детские фотографии: сходство есть. «Но, – сказал Алексей, – у вас обеих правильные черты лица, а такие лица всегда чем-то похожи».

Сердце Нины сжималось при, казалось бы, безобидных словах «детский сад», и воображение рисовало самые черные картины. И она отчаянно торопила детектива, хотя все еще не знала, что ей делать с этой потенциальной дочкой, так странно и нечаянно оказавшейся у нее на пути в тот день, когда ей пришла в голову мысль отправиться на дачу общественным транспортом...

Алексей еще несколько раз являлся на площадь, но все без толку. Нищие теперь сами подходили к детективу в надежде поживиться «за информацию» и наперебой хвалили Машу, словно торговец товар: золото девка, не ленивая, добрая, смышленная, старых не обижает... Алексей всем отвечал, что хочет поговорить со «старшим», но ему дали однозначно понять, что «старший» вступит с ним в переговоры только тогда, когда он захочет купить девочку. И что стоит поторопиться, иначе Маша бесследно канет в загадочный «детский сад».

А Нина все никак не решалась.

– Мне хочется сначала узнать Машу поближе... Но я не понимаю, как это сделать! – пожаловалась она детективу.

– Очень просто: говорите с ней. Она постепенно привыкнет к вам и перестанет дичиться.

– И что бы вы ей сказали на моем месте?

– Я не великий специалист по детям... Ну, спросил бы, что она любит...

– Она вам ответит: мороженое. И дальше что?

– Не представляю, – признался Алексей. – Может, попробовать решить эту проблему иначе? К примеру, договориться с нищими о том, чтобы иногда нанимать Машу для помощи по дому? Или, – прикидывал Алексей, – сказать, что вы просто будете брать ее на выходные, как берут детей из сиротских домов... Не знаю, согласятся ли они, но подозреваю, что за деньги они согласятся на что угодно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.